

*ХРАМЦОВА Марина Викторовна, аспирант кафедры литературы и русского языка гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области. Автор 4 научных публикаций**

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА И ГЕРОЯ ПОЭМЫ В.И. МАЙКОВА «ЕЛИСЕЙ, ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ ВАКХ»

Статья посвящена осмыслению художественного своеобразия произведения В.И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх». Концепция художественного мира поэмы В.И. Майкова на фоне современной ей русской литературы оказалась весьма оригинальной. Однако даже спустя столетия природа этого своеобразия «Елисея» остается не вполне понятной, а дискуссия по этому вопросу – незавершенной. Спор, фактически начатый еще в XVIII столетии, продолженный в столетии XIX, остается актуальным до сих пор. Фактически в XX столетии по ряду параметров он только обострился. Для одних исследователей Елисей В.И. Майкова несет в себе черты протестующего, бунтующего героя из «социального низа» (А.В. Западов). Хотя автор действительно подчеркивает социальную иноприродность Елисея по отношению к другим персонажам поэмы, своеобразие героя не может быть понято в логике, опирающейся исключительно на противопоставление социального «низа» и социального «верха». Иная трактовка особенной природы художественного мира майковского «Елисея» строится на противопоставлении миропорядка героической поэмы и празднично-карнавальная жизни (Н.И. Николаев). Во многом такое толкование содержания поэмы следует признать справедливым, однако принять его в качестве аргумента, исчерпывающего проблему своеобразия художественного мира майковской поэмы, автор статьи считает невозможным. В работе предлагается оригинальная оценка героя поэмы В.И. Майкова как маргинальной личности, выпадающей из привычного социального миропорядка. По мнению автора статьи, именно социальная неопределенность составляет особенность майковского героя, а сознательная установка на изображение маргинальной личности и маргинального мира определяет во многом новизну комической поэмы В.И. Майкова.

Ключевые слова: *В.И. Майков, «Елисей, или Раздраженный Вакх», комическая поэма, бунтующий герой из «социального низа», маргинальный герой.*

*Адрес: 164512, г. Северодвинск, ул. Карла-Маркса, д. 36; e-mail: MKhramtsova@yandex.ru.

Для цитирования: Храмцова М.В. Свообразие художественного мира и героя поэмы В.И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 6. С. 144–150. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.144.

«Елисей» В.И. Майкова – это одно из немногих произведений русской литературы XVIII века, которое породило довольно острую полемику, сохранявшую актуальность на протяжении почти ста лет. Причем живой интерес (как современное произведение, а не как памятник) поэма вызывала не только у В.П. Петрова и И.И. Хемницера, но и у А.А. Шаховского, А.С. Пушкина, весьма эмоционально обозначившего свою позицию в полемике с А.А. Бестужевым-Марлинским. При этом споры были сосредоточены вокруг одной темы – оценки стиля поэмы (нормативный/ненормативный стиль; пристойная/непристойная, смешная/порочная поэма).

В полемику оказались вовлеченными многие значимые для истории русской литературы писатели и критики (помимо упомянутых, например, Н.И. Новиков, В.Г. Белинский и др.) [1, с. 77–79].

Но при этом кажется, что сам вопрос о достоинстве майковского произведения для участников дискуссии по своей сути вторичен. И продолжительность этой дискуссии во времени обусловлена иными причинами, которые, может быть, не вполне осознаются участниками спора, но на самом деле являются для них принципиально важными. Спор, как нам представляется, – не столько о стилистических особенностях произведения В.И. Майкова, сколько об особенностях его художественного мира. Сама концепция художественного мира поэмы оказалась подчеркнута необычной. Потому даже спустя столетия вопрос о художественном своеобразии «Елисея» в контексте современной ему литературы оставался и, как кажется, остается не вполне разрешенным.

Л.А. Казакова в своей монографии [2] предполагает встроить поэму в своеобразную систему литературных отношений: «салонная» и «низовая» поэма. Именно в этой парадигме исследователь видит эволюцию жанра комической поэмы в русской литературе, относя «Елисея» В.И. Майкова к образцам низовой комической поэмы.

Напрямую проблема своеобразия художественного мира «Елисея» В.И. Майкова впервые

была обозначена еще в работе А.В. Западова [3], который в центр своей концепции поставил протестующего, бунтующего героя из «социального низа». Такая трактовка «Елисея» поддерживалась многими современными А.В. Западову исследователями, для которых сатира Майкова временами превращалась в политический памфлет, направленный на разоблачение правящей элиты. Майковский Елисей в таком контексте приобретает черты героя, протестующего и восстающего против несправедливо устроенного мира.

Существенно позднее в литературоведении было предложено иное понимание природы художественного мира майковского «Елисея». В поэме со ссылкой на фундаментальные идеи М.М. Бахтина увидели черты «карнавального мира». Концептуальное понимание художественного мира В.И. Майкова, основанного на противопоставлении миропорядка героической поэмы и празднично-карнавальной жизни, изложена в работе Н.И. Николаева [4] и отчасти поддержана Л.А. Казаковой [2].

Однако ни проблема литературного героя из «социального низа», с разных точек зрения освещенная в исследовательской литературе (А.В. Западов, Л.А. Казакова), ни проблема «карнавального» (праздничного) и «официального» миропорядка (Н.И. Николаев) сами по себе не объясняют художественной новизны, исторического своеобразия майковской поэзии, которые, несомненно, ощущаются всеми интерпретаторами этого текста (от XVIII столетия до нынешних дней). На наш взгляд, проблема социального мироустройства поставлена и решена в поэме В.И. Майкова в концептуально новом для русской литературы ключе, в котором ранее она просто не могла себя обозначить.

Майковская поэма и ее герой представляют в смеховой форме иррациональные аспекты социальной жизни, то, что не укладывается ни в какие системные представления о ней, то, что принципиально внесистемно. При этом заметим, что любые представления о «социальном низе» по природе своей носят системный характер и соотношены с представлениями о «социальном верхе», вместе с которыми и составляют

эту устойчивую систему. «Низкий» герой не разрушает установленный (господствующий) социальный миропорядок, а, напротив, утверждает его самым фактом своего существования. Предшествующая «Елисею» традиция русской литературы знала «низового» героя, меняющего свой социальный статус, но при этом вектор его движения мог быть только один – снизу вверх по социальной лестнице. Это герой весьма распространенной в конце XVII – начале XVIII столетия плутовской новеллы (повести). Наиболее яркий ее образец – Фрол Скобеев. Вся забавная интрига, направленная на то, чтобы вывести этого героя «из грязи в князи» не разрушает систему социальных представлений о «верхе» и «ниже», а, напротив, по-своему даже утверждает ее абсолютность, полноту и незыблемость. Перемещение героя внутри этой социальной вертикали не отменяет ее как таковую.

Совсем иная ситуация в поэме В.И. Майкова. Елисей не просто герой из «социального низа», он на протяжении всего действия поэмы меняет свой социальный статус, но вектор его движения направлен иначе. Это вектор (в строгом смысле слова) социального падения, причем безграничного, поскольку протекает за всякой мыслимой чертой регламентирующих и понятных читателю нравственных ограничений. Это, как представляется, один из первых в русской литературе откровенно *маргинальных*¹ персонажей. А сюжет поэмы выстроен с учетом того, чтобы представить картину его *маргинализации*.

¹Маргинал, маргинальная личность – термин, используемый для обозначения «человека, находящегося в промежуточном, пограничном положении между какими-либо социальными группами, утратившего прежние социальные связи и не приспособившегося к новым условиям жизни». См.: *Комлев Н.Г.* Словарь новых иностранных слов. М., 1995. С. 70.

«Маргинал – 1. Тот, кто утратил прежние социальные связи, находится на периферии своей социальной среды, не приспособился к новым условиям жизни и не имеет устойчивого социального статуса; изгой. 2. Тот, кто находится на грани общества». См.: *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

²Энциклопедический справочник. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/moscow/1157/> (дата обращения: 02.06.2016).

³История московского такси. URL: <http://www.moscow-taxi.ru/istoriamos.shtml> (дата обращения: 02.06.2016).

В представлениях середины XVIII века ямщик, которым был наш герой в самом начале поэмы после своего побега из Зимогорья, – это профессия, подчеркивающая его весьма специфический социальный статус. Его занятие – *отхожий промысел*, т. е. сезонная работа крестьян вне постоянного места жительства, для выполнения которой нужно было уходить из деревни или села. Отходничество – «это оставляемые надолго семьи, холостяцкий образ жизни ушедшего, иногда поверхностное заимствование городской культуры в ущерб традиционным нравственным устоям, привитым воспитанием в деревне» [5, с. 167].

В народе московских извозчиков разделяли на несколько категорий: «ломовиков», «лихачей» и «ванек».

«Особую группу извозчиков составляли “ломовики”, перевозившие тяжелые грузы на повозках, в которые запрягали обычно лошадей-тяжеловозов. В Москве “ломовики” получили широкое распространение с середины XIX века»².

«Лихачом» называли наемного дорогого извозчика, «на резвых лошадях с хорошей упряжкой и в щегольском экипаже. Он отличался быстрой неосторожной ездой, иногда нанимался богатыми людьми на определенный срок в указанную часть дня, стоял около лучших гостиниц, на площадях и около трактиров»³.

Самые дешевые экипажи были у «ванек». Это были крестьяне, приезжавшие в Москву на заработки: «В старых армяках, рыжих овчинных шапках, они терпеливо поджидали пассажиров

в любую погоду. Понуро стояли их мохнатые лошаденки, запряженные в низкие санки» [6]. «Ваньки» ежедневно отдавали хозяину извоза, у которого брали лошадей в наем, большую часть дохода. За извозчиком записывалась вся недостача, и нередко он возвращался в родную деревню с долгами. «Своего промысла “ваньки” не имели, работали на хозяина и были в отличие от лихачей довольно смирными. Но относительную сговорчивость они искупали оглушительным пьянством»⁴. Даже само это обращение «ванька», подчеркивающее утрату собственного имени, свидетельствует об их особой позиции в русском социальном мире.

Майковский Елисей, как несложно заметить, относится именно к последней категории – «ванек». Из упоминаний о его биографии мы узнаем, что он живет в Питере «без собственна подворья», работает ямщиком около пяти лет. А частая смена ездовых лошадей свидетельствует о том, что «своего промысла» у него нет: «...езжал на резвых я, езжал на усталых, / езжал на смирных я, езжал на удалых <...> на всех сих для меня равнехонька езда, / лишь был бы только кнут, была бы лишь узда!»⁵.

Требования к извозчикам были достаточно строги, существовали определенные правила, за нарушение которых их могли даже бить кнутами и ссылать на каторгу. И. Родин в своих наблюдениях пишет: «В первой половине XVIII века трижды разрабатывались специальные правила извоза, первое было издано в 1705 году. В 1794 году все правила были собраны в “Извозничий билет”»⁶. На работу брали всех – независимо от сословия, но чаще всего в извоз поступали крестьяне. Предварительно в полиции они получали

справку о своей благопристойности и общественной благонадежности⁷.

Извозчики были обязаны прилично одеваться. Им надлежало иметь специальную одежду: «...зимою и осенью кафтаны и шубы иметь, летом же балахоны иметь белые холстинные, а кушаки желтые шерстяные»⁸, на голове «шапки Русския с желтым суконным вершком, и опушкою черной овчины»⁹. Ямщики должны были быть старше 18 лет. Ношение окладистой бороды считалось признаком «степенности».

Заметим, что внешний вид Елисея откровенно диссонирует с этими правилами: «...был смур на нем кафтан и шапка набекрене, / волжанный кнут его болтался на колене», «подкидыш был сей лет осьмнадцати Елеся», «ямщик был без уса, ямщик без бороды»¹⁰.

Елисей, безусловно, должен быть отнесен к самому низкому уровню ямщицкого сословия. Это подтверждается многими деталями, уточняющими его социальный портрет. И приобщение к ямщицкому сословию для него – несомненно, понижение прежнего социального статуса, то, на что он вынужден был пойти в виду формальных обстоятельств. Почти все исследователи, касающиеся этой темы, интуитивно чувствуют необычность нового социального положения героя, его какой-то предельно низкий уровень, граничащий с маргинальным статусом, за чертой сложившихся социальных отношений.

Г.А. Гуковский писал: «Для В.И. Майкова был ямщиком и т. п. – экзотика; ямщик для него – фигура комическая уже потому, что он ямщик, и потому, что он затесался в хорошее общество александрийских стихов, мифологических имен и риторических фигур. Грубость нравов

⁴Кони «в шашечку» // АиФ-Москва. 2005. № 33. 17 авг. URL: <http://www.aif.ru/archive/1718331> (дата обращения: 04.06.2016).

⁵Майков В.И. Избранные произведения. М.; Л., 1966. С. 96.

⁶Билет извозчику в 1794 году // Рус. старина, 1896. Т. 85, № 1. С. 122–124.

⁷Родин И. Эх, прокачу! (по материалам Интернета). URL: <http://telegrafua.com/social/13451/> (дата обращения: 04.06.2016).

⁸Там же.

⁹Там же.

¹⁰Майков В.И. Избранные произведения. С. 79, 94.

ямщиков была для него комична в силу его социально-художественного мировоззрения»¹¹. А Л.А. Казакова, между прочим, отметила, что «принадлежность Елисея к сословию ямщиков позиционирует его как представителя “изнаночного” мира» [2, с. 92].

Г.П. Макогоненко в своих наблюдениях усматривает в произведении Майкова поэму нового типа, изображающую «низовой» мир: «В поэме Майков демонстративно и дерзко изображает “низкую” действительность: жизнь простых людей столицы, кабаки, работный дом для проституток и т. д. Его герой Елисей – лихой ямщик и гуляка» [7, с. 38]. Эпитеты «демонстративно» и «дерзко» звучат как подтверждение за пределами низкого уровня социального мира, оказавшегося в поле зрения автора, или, в принятом здесь терминологическом ключе, – «маргинального мира». Следующая ступень биографии Елисея и вовсе превращает его в обитателя тюремных застенков.

Но и это еще не крайняя степень его *маргинализации*. Оказавшись под прикрытием шапки-невидимки, выданной ему богами-олимпийцами, он окончательно выпадает из сферы какой бы то ни было социальной ответственности. Абсолютная независимость от условий, регламентирующих социальную жизнь, – вот что характеризует позицию героя и мотивы его поступков с момента пребывания в стенах Калинкиного дома. Хотя справедливости ради следует отметить, что он никогда не совпадал со своей социальной ролью и очень легко с ней расставался.

Драка с «валдайцами» разрушает его связь с домом и семьей («я мать тут потерял, и брата, и жену»¹²). Драка в кабаке, которой начинается В.И. Майков повествование о своем герое, лишает Елисея свободы. При этом мотивы поведения героя не укладываются ни в какие

логические схемы. Сначала он угрожает чумаку: «Он, за ворот схватя за стойкой чумака, / Вскричал: “Поддай вина! иль дам я тумака. / Поддай, иль я тебе нос до крови расквашу!”¹³». А затем, получив искомое, все равно выполняет угрозу: «Меж тем ямщик свою уж чашу наливает, / Единым духом всю досу́ха выпивает, / И выпив, ею в лоб ударил чумака»¹⁴. Елисей непредсказуем в своих поступках не только для чумака, но и для своих близких: матери, жены, которую постоянно бросает на произвол судьбы.

Он непредсказуем для начальницы Калинкиного дома, уход от которой не был определен никакими видимыми причинами: «...но наконец уж он наскучил сим житьем, / хотя доволен был он пищею и всем»¹⁵.

Тотальная непредсказуемость Елисея, невозможность объяснить мотивы его поведения социально обусловленными смыслами, целями и составляют его принципиальную особенность. Он непредсказуем даже для богов-олимпийцев, которые разработали программу мести откупщикам, построили в нее в качестве мстителя Елисея, но при этом не оценили масштабы его разрушительного потенциала, далеко уходящего за черту дозволенного, предустановленного герою.

Елисей демонстрирует абсолютную самостоятельность, несогласие с любыми правилами и игры, навязываемыми ему извне.

Социальная неопределенность и составляет особенность майковского героя. Он живет своими представлениями о счастье и удаче, не совпадающими с общепринятыми представлениями, даже если принять во внимание тезис об их исторической подвижности [8]. Самое большое для него наказание, которое наступает в конце поэмы, – насильственная социализация: «Елеська как беглец, а может быть и вор, / Который

¹¹Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века: учеб. / вступ. ст. А. Зорина. М., 1999. 453 с.

¹²Майков В.И. Избранные произведения. С. 96.

¹³Там же. С. 80.

¹⁴Там же. С. 81.

¹⁵Там же. С. 110.

никакой не нес мирския платы, / Сведен в военную и отдан там в солдаты»¹⁶.

Майковский мир – это мир за чертой привычных представлений о социально обустроенном мире, где действует герой с понятными мотивами поведения, поступка. Само появление такого героя свидетельствует о возможности иного социального миропорядка, за гранью господствующих представлений об этом предмете. Этой возможности еще не допускала поэзия М.В. Ломоносова или драматургия А.П. Сумарокова, но о ней все более и более настойчиво заговорили в своих произведениях более молодые современники В.И. Майкова: И.С. Барков в своей скабрезной поэзии, М.Д. Чулков, представивший в своей «Пригожей поварихе» героиню с откровенно двойственными, размытыми нравственными ориентирами [9], наконец, М. Комаров в позднем своем произведении «Ванька

Каин» [10]. Все они едины в стремлении представить читателю экзотические черты маргинального мира. И этот общий для них порыв – абсолютно не случайный факт истории русской литературы. За ним скрывается зарождающееся понимание подвижности, вариативности социального миропорядка, то, что никак не принималось во внимание предшествующей традицией русской литературы. Это совершенно новые художественные представления с далеко идущими историческими последствиями.

Установка на изображение маргинального героя и маргинального мира ломала традиционные для русской литературы представления о социальном мироустройстве. Этот новаторский шаг для русской литературы XVIII века и определил, как представляется, долгую полемику, которая сопровождала историю оценки комической поэмы В.И. Майкова.

Список литературы

1. Николаев Н.И. Смеховое начало в поэме В.И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вахк» // Филол. науки. 1986. № 5. С. 77–79.
2. Казакова Л.А. Жанр комической поэмы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX вв.: генезис, эволюция, поэтика. Псков, 2009. 448 с.
3. Запатов А.В. Творчество В.И. Майкова // Майков В.И. Избранные произведения. М.; Л., 1966. 504 с.
4. Николаев Н.И. Русская литературная травестия. Вторая половина XVIII в. – первая половина XIX в.: учеб. пособие для спецкурса. Архангельск, 2000. 119 с.
5. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. 269 с.
6. Симонов В. Лошадиное такси // Квартирный ряд. 2008. № 14(689). URL: <http://moskv.ru/articles/fulltext/show/id/7709/> (дата обращения: 04.06.2016).
7. Макогоненко Г.П. Пути развития русской поэзии XVIII века // Поэты XVIII века: в 2 т. Л., 1972. Т. I. С. 5–72.
8. Николаев Н.И. У истоков новых русских литературных представлений о «счастье» и «удаче», «службе» и «служении» («Фортуна» Н.А. Львова) // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2008. № 4. С. 85–91.
9. Николаев Н.И. Своеобразие этической позиции автора и героя в «Пригожей поварихе» М.Д. Чулкова // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2012. № 1. С. 135–140.
10. Николаев Н.И., Храмцова М.В. Маргинальный мир и герой в русской литературе XVIII века // Дискуссия. 2014. № 2(43). С. 136–141.

References

1. Nikolaev N.I. Smekhovoe nachalo v poeme V.I. Maykova “Elisey, ili Razdrazhenny Vakhk” [The Principle of Humour in the Poem by V.I. Maykov “Elisey, or Bacchus Enraged”]. *Filologicheskie nauki*, 1986, no. 5, pp. 77–79.
2. Kazakova L.A. *Zhanr komicheskoy poemy v russkoy literature vtoroy poloviny XVIII – nachala XIX vv.: genезis, evolyutsiya, poetika* [The Genre of Comic Poem in Russian Literature of the Second Half of the 18th and Early 19th Centuries: Genesis, Evolution, Poetics]. Pskov, 2009. 448 p.

¹⁶Майков В.И. Избранные произведения. С. 134.

3. Zapadov A.B. Tvorchestvo V.I. Maykova [The Works by I.V. Maykov]. Maykov V.I. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Leningrad, 1966. 504 p.
4. Nikolaev N.I. *Russkaya literaturnaya travestiya. Vtoraya polovina XVIII v. – pervaya polovina XIX v.* [Russian Literary Travesty. Second Half of the 18th Century – First Half of the 19th Century]. Arkhangelsk, 2000. 119 p.
5. Gromyko M.M. *Mir russkoy derevni* [The World of the Russian Village]. Moscow, 1991. 269 p.
6. Simonov V. Loshadinoe taksi [Horse Taxi]. *Kvartirnyy ryad*, 2008, no. 14. Available at: <http://moskv.ru/articles/fulltext/show/id/7709/> (accessed 4 June 2016).
7. Makogonenko G.P. Puti razvitiya russkoy poezii XVIII veka [Ways of Development of Russian Eighteenth-Century Poetry]. *Poety XVIII veka: v 2 t.* [Poets of the 18th Century: In 2 Vols.]. Leningrad, 1972. Vol. I, pp. 5–72.
8. Nikolaev N.I. U istokov novykh russkikh literaturnykh predstavleniy o “schast’e” i “udache”, “sluzhbe” i “sluzhenii” (“Fortuna” N.A. L’vova) [Origin of New Russian Literary Views on “Happiness”, “Luck”, “Service” and “Serving” (N.A. Lvov’s “Fortune”)]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2008, no. 4, pp. 85–91.
9. Nikolaev N.I. Svoeobrazie eticheskoy pozitsii avtora i geroya v “Prigozhyye povarikhe” M.D. Chulkova [Peculiarity of the Ethical Position of the Author and the Protagonist in *Prigozhaya Povarikha (Comely Cook)* by M.D. Chulkov]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2012, no. 1, pp. 135–140.
10. Nikolaev N.I., Khrantsova M.V. Marginal’nyy mir i geroy v russkoy literature XVIII veka [Marginal World and Hero in Russian Literature of the 18th Century]. *Diskussiya*, 2014, no. 2, pp. 136–141.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.144

Marina V. Khrantsova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
ul. Karla-Marksa 36, Severodvinsk, 164512, Russian Federation;
e-mail: MKhrantsova@yandex.ru

THE ORIGINALITY OF THE ARTISTIC WORLD AND THE HERO OF V.I. MAYKOV’S POEM “ELISEY, OR BACCHUS ENRAGED”

This article studies the artistic originality of V.I. Maykov’s poem “Elisey, or Bacchus Enraged”. The concept of its artistic world turned out to be very original against the background of Russian literature of that time. However, even centuries later, the nature of this poem’s originality remains somewhat unclear and the discussion of this issue, incomplete. The argument which started as far back as in the 18th century and continued in the 19th, remains topical to this day. In fact, it only escalated in the 20th century. For some researchers, V.I. Maykov’s Elisey bears the features of a protester, a rebellious hero from the lower class. Although Maykov does emphasize that his hero is out of place among other characters of the poem, Elisey’s originality cannot be understood solely in terms of the opposition between upper and lower classes. A different interpretation of the special nature of “Elisey’s” artistic world is based on the opposition between the world orders of the heroic poem and the festive carnival life (according to N.I. Nikolaev). In many ways, such interpretation of the poem’s content should be recognized as fair, but the author of this article does not believe it can be accepted as an argument exhausting the issue of originality of this poem’s artistic world. This work suggests an original estimation of Elisey as a marginal person dropping out of the usual social world order. According to the author of this paper, it is social uncertainty that makes Maykov’s hero so special. Moreover, deliberate representation of a marginal person and marginal world largely defines the novelty of V.I. Maykov’s comic poem.

Keywords: V.I. Maykov, “Elisey, or Bacchus Enraged”, comic poem, rebellious hero from the lower class, marginal hero.

Поступила: 19.04.2016
Received: 19 April 2016

For citation: Khrantsova M.V. The Originality of the Artistic World and the Hero of V.I. Maykov’s Poem “Elisey, or Bacchus Enraged”. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2016, no. 6, pp. 144–150. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.144.